

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

ЦЕНТР АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПЕРЕВОДАХ

V

А К В И Л О Н

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF PHILOSOPHY
CENTRE FOR ANCIENT AND MEDIAEVAL PHILOSOPHY AND SCIENCE

THE MEASURE OF THINGS

MAN IN THE HISTORY OF EUROPEAN THOUGHT

Edited
by Galina V. Vdovina

А К В И Л О Н

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ЦЕНТР АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

МЕРА ВЕЩЕЙ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

Общая редакция и составление
Г.В. Вдовиной

А К В И Л О Н

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект № 15–03–16005д*

МЕРА ВЕЩЕЙ. Человек в истории европейской мысли / Под общей редакцией Г.В. Вдовиной. — М.: Аквилон, 2015. — 944 с. (Гуманитарные науки в исследованиях и переводах [Т. V]: изд. с 2010 г.).

Коллективное историко-философское исследование, не ограничиваясь антропологическими идеями в узком смысле, реконструирует широкую картину реальности, которую мыслит, которой является и в которой живёт человек на протяжении многих столетий непрерывной европейской традиции. В книге освещаются вопросы античной этики и аксиологии; античная и средневековая теории мышления и познания; аспекты христианской теологии, значимые для средневековых концепций интеллектуальной и, шире, духовной жизни человека; проблемы языка и речи; некоторые существенные характеристики европейской культуры, определяющие мироощущение европейца. Книга содержит как авторские исследования, так и переводы классических философских текстов, выполненные специально для этого издания.

Научное издание

В оформлении обложки использованы фрагменты работ художественного тандема Pichi & Avo, представляющих образы античного искусства в технике уличных граффити.

ISBN 978–5–906578–05–1

© Г.В. Вдовина, общая редакция, составление, 2015.
© Коллектив авторов, 2015.
© Издательство «Аквилон», 2015.

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	
Человек: многогранная реальность (<i>Вдовина Г.В.</i>).....	9

ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Волкова Н.П.</i>	
От идеи человека как вида к идеям индивидов.....	19
Введение.....	19
Идея человека как вида.....	22
Идеи индивидов.....	42
<i>Петрова М.С.</i>	
Круг чтения Макробия.....	55
Греческие философские сочинения.....	56
Тексты латинских поэтов.....	78
<i>Петрова М.С.</i>	
Восприятие Макробиева «Комментария на ‘Сон Сципиона’ в средние века».....	97
<i>Вдовина Г.В., Шмонин Д.В.</i>	
Основные темы схоластических трактатов XVII века «О душе».....	123
<i>Вдовина Г.В.</i>	
Генезис понятия интенциональной причинности в европейской философской традиции.....	147
<i>Иванов В.Л.</i>	
<i>Philosophia Nov-antiqua</i> : «древнейшая истина» новой философии и возможность новизны в школьном знании XVII века.....	168
<i>Петров В.В.</i>	
«Океан бытия, жизни и разума» в философской, мистической и психоаналитической традициях.....	191
Европейский пантеизм.....	192
Греческая философия.....	194
Веданта.....	197

Ромен Роллан и рождение формулы «океаническое чувство».....	200
Ролланд и Фрейд.....	201
«Дикая мистика» Мишеля Юлена.....	205
Пьер Адо.....	207
Философия и естественные науки.....	211
Литературная традиция.....	225

Петров В.В.

Реальность как переживание в философской прозе С.Д. Кржижановского.....	249
--	-----

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Серегин А.В.

Критика неморальных ценностей в античной философской этике: от Платона к стоикам.....	272
Критика неморальных ценностей: стоицизм, платонизм, аристотелизм.....	273
Стоические аргументы против существования неморальных ценностей.....	279
Стоический аргумент от амбивалентности неморальных ценностей.....	295
Античный эвдемонизм: взаимосвязь счастья и блага, несчастья и зла.....	302
Проблема амбивалентности традиционных благ и зол.....	318
Проблема амбивалентности в платоновском «Евтидеме».....	326
Почему не работает аргумент от амбивалентности.....	356
Альтернативные реакции на проблему амбивалентности традиционных благ.....	374

Серегин А.В.

Этический максимализм Платона и его эвдемонистическая мотивация.....	389
Абсолютная значимость этического исследования.....	389
Абсолютная предпочтительность морального блага неморальному.....	391
Этический максимализм и ценность человеческой жизни.....	396
От «морального героизма» к «моральному фанатизму».....	408
Мотивация этического максимализма у Платона.....	413
Взаимосвязь счастья и блага, несчастья и зла.....	416
Эвдемонистическая аксиома.....	424
Добродетель приводит к счастью, а порок к несчастью.....	431
Эвдемонистическая мотивация этического максимализма.....	437

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
АНТРОПОЛОГИИ

<i>Мухелишвили Н.Л., Вдовина Г.В.</i>	
Духовные упражнения в европейской традиции средневековья и раннего нового времени.....	445
<i>Вдовина Г.В.</i>	
О понятии <i>potio</i> и ноциональных именах в тринитарном богословии средневекового Запада.....	474
Понятие <i>potio</i> и ноциональных имен.....	474
Субстанциальность лиц и невещественность <i>notiones</i>	481
Лица как гипостазированные отношения.....	485
Ноциональные свойства и ноциональные акты.....	492
Ноциональные свойства.....	495
Ноциональные акты.....	499
Число <i>potiones</i> и критерии их вычленения.....	507
Заключение.....	511

ПОЗНАНИЕ И МЫШЛЕНИЕ

<i>Месяц С.В.</i>	
Аристотель и его трактат «Об ощущении и ощущаемом» (Предисловие к переводу).....	516
<i>Аристотель.</i> «Об ощущении и ощущаемом» (Перевод и примечания <i>Месяц С.В.</i>).....	530
<i>Аристотель.</i> Проблемы. Книга XXX. Проблемы, касающиеся рассудка, ума и мудрости (Перевод <i>Россиуса А.А.</i>).....	582
<i>Петров В.В.</i>	
Когнитивная психология в позднем античном и раннем христианском неоплатонизме.....	595
<i>Петров В.В.</i>	
Гнозис у Максима Исповедника.....	618
Гнозис (<i>γνῶσις</i>) и цель творения человека.....	619
Гнозис относительный и гнозис действительный.....	621
Неведение (<i>ἄγνοια</i>).....	628
Гнозис и иерархия душевных способностей.....	630
Образ (<i>εἰκόν</i>) и подобие (<i>ὁμοίωσις</i>) Божии.....	632
Восхождение святых к Богу как путь гнозиса.....	633
<i>Вдовина Г.В.</i>	
Интенциональная структура понятия в схоластике средневековья и начала нового времени: <i>conceptus formalis</i> и <i>conceptus obiectivus</i>	641

Формирование дистинкции формального / объективного понятий в средневековой схоластике.....	644
Общая характеристика формального и объективного понятий.....	653
Основные проблемы.....	661
Выводы.....	674
<i>Вдовина Г.В., Мухелишвили Н.Л.</i>	
К концепции мышления в схоластике раннего нового времени: verbum mentis и внутренняя речь.....	678
<i>Вдовина Г.В.</i>	
Иоанн Капреол, комментатор Фомы Аквинского в XV веке, и его «Defensiones».....	700
<i>Иоанн Капреол. «В защиту теологии Св. Фомы»</i> (Перевод <i>Вдовиной Г.В.</i>).....	
	712
<i>Петров В.В.</i>	
Фридрих Ницше и вечное возвращение.....	773
Мгновение исчезает.....	776
<i>Палингенесия и апокатастасис</i>	782
Экспериментальная философия: 6000 футов над уровнем всего человеческого.....	790
Спящий на спине тигра: реальность как упрощение и конструкт.	797
Дискурс силы.....	808
Великая игра в кости.....	817
Нет тождеств, только единичности.....	821
Полуденная бездна.....	823
Пауки Спинозы и пудели Шопенгауэра.....	825
Мгновение вечно.....	827
Эпилог.....	835

СТРУКТУРЫ РЕАЛЬНОСТИ И РЕЧИ

<i>Вдовина Г.В.</i>	
О гипотетическом параллелизме структур реальности и речи в средневековой и постсредневековой схоластике.....	880
<i>Лошаков Р.А.</i>	
Смысл как событийность языка.....	900
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Бернард Лонерган и его главная книга (<i>Вдовина Г.В.</i>).....	920
<i>Бернард Лонерган. «Инсайт: Исследование человеческого понимания»</i> (Перевод и примечания <i>Вдовиной Г.В.</i>).....	922
ОБ АВТОРАХ.....	943

Петров В.В.

РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПЕРЕЖИВАНИЕ В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО*

В статье анализируются особенности изображения реальности у С. Кржижановского. Показано, что во множестве случаев это реальность, модифицированная в процессе субъективного восприятия: сферы физического и психического бытия взаимопроникают, отражаются друг в друге (при этом отражение подразумевает инверсию). Это не экстра-ментальное бытие, это пространство деформированного сознания, уходящего в полусон, в иррациональное. В качестве источников указаны А. Шопенгауэр и А. Белый. Рассматриваются соотношение сознания и бессознательного, «мозговая игра».

Ключевые слова: реальность, мозговая игра, Кржижановский, Андрей Белый, Шопенгауэр, экзистенция.

В этой статье мы рассмотрим особенности изображения реальности в философской прозе Сигизмунда Доминиковича Кржижановского (1887–1950) — истинного интеллектуала, не столько интересовавшегося философией и наукой, сколько жившего ими. Достижения последних в буквальном смысле составляют ткань его художественных и теоретических сочинений. Персонажами и героями рассказов Кржижановского становятся логические понятия, философские категоремы, правила из школьных учебников, научные концепции. В этом исследовании мы сосредоточимся на том, каким образом писатель художественными методами изображал и представлял сферу реальности, модифицированную в процессе субъективного восприятия. Лучше всего для этой цели подходит

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта (№ 14–03–00561) «Наука, культура и философия в России первой половины XX века: мировоззрение С.Д. Кржижановского (1887–1950)».

рассказ «Красный снег»¹. Это небольшое сочинение распадается на две части, описывающие условный день (бодрствующее сознание) и одну из ночей (сознание спящего и видящего сны человека), и заканчивается пробуждением героя (возвращением в повседневность). Первую половину дня герой проводит в поисках работы, затем убивает время, бесцельно слоняясь по городу, поскольку ему в сущности нечего делать и некуда идти. Вернувшись домой, он засыпает и видит сны, в которых дневная реальность отчасти воспроизводится, отчасти приобретает иные очертания. Заканчивается сон кошмаром, в котором прорывается наружу отчаяние и ужас героя. Очнувшись от сна, он возвращается к ненавистной ему яви.

Реальность, представленная в рассказе, дана через восприятие интеллигента, сформировавшегося до революции и погибающего духовно, интеллектуально и физически в советской действительности конца 1920-х – начала 1930-х. В мире, который изображен в «Красном снеге», сферы физического и психического бытия не вполне разведены. Они взаимопроникают, отражаются друг в друге (отражение подразумевает инверсию). В целом, эстетика этого сочинения Кржижановского — причудливый сплав экспрессионизма и сюрреализма.

В целом, явь предстает неким маревом. Типологическими чертами дневного бытия являются: обезличенность: дни различаются только цифрой в календаре («прибавил к вчерашней дате единичку»), люди замещены цифрами их телефонных номеров. Прямой личный контакт отсутствует.

День неотличим от ночи, все происходит «между собакой и волком»: «утро, скорее похожее на поседевшую за ночь ночь», «блик лампочки, точно заблудившийся меж дня и ночи», «воздух... тронуло пеплом». Для изображенной реальности характерна стертость, заношенность, отсутствие четкости и резкости. Дневная реальность течет и тает в тумане: «с каждым шагом он втапывался всё ниже и глубже в камень: хватит его до входа или не хватит?»; «знакомые кварталы странно длиннились, растягиваясь, как резина; магазин с игрушками, казалось, уже пройден, — и вот он опять лезет крашеной пестрядью в зрачки». Так ведет себя пространство в «Замке» Кафки (1921–1922). Это не экстра-ментальное бытие, это

¹ Кржижановский. Красный снег // СС. Т. 5. С. 145-162.

пространство деформированного сознания, уходящего в полусон, в иррациональное. Реальность — порождение уставшего ума, в котором сон и явь уже не различается; ещё одна приходящая в голову параллель — мир «Петербурга» Андрея Белого (1913–1915).

Деформации физической реальности соответствует фрагментарность восприятия мира. Изображаемое пространство распадается на вертикали и горизонталы (или истончается так, что остаются лишь контуры). Вещи и люди рассыпаются на элементы, не воспринимаются в своей целостности, а потому не имеют смысла и дефектны. Физически суженность видения обусловлена туманом, психически — нежеланием и неспособностью героя открыться миру и впустить его в себя. Мир предстает гротескным, шаржируется: отдельные детали предстают непропорционально большими: например, люди замещаются характеризующими их предметами, одеждой, частями тела.

Герой отчуждается не только от мира, но и от своего *тела*, которое движется устало, автоматически и механически, в то время как мозг занят чем-то другим (бессмысленными арифметическими выкладками). Даже собственное отражение начинает превращаться в некоего двойника или самостоятельную сущность: «Шушашино отражение, скользкое на скользком стекле, под толчком ладони посторонилось».

Деформации реальности сопутствуют разнообразные инверсии. Одушевленное и неодушевленное меняются местами. Вещи действуют и даже антропоморфизируются — приметы людей переносятся на туман и тучи: «Туман редел, но люди шли гуще. Солнце пробовало протолкнуться лучами сквозь толпу серых, в солдатском сукне, туч, но те не размыкали плеч». Вот «метнувшись *желтым двухглазием*, взвыл автомобиль: как если б *и его* переехали» (в рассказе никого не переезжают, но это характерная фигура речи, прежний мир погиб под колесами истории, кончился «не взрывом, а взвизгом»). Если вещи активны, то люди, напротив, инертны и безлики, — овеществляются, замещаются своими атрибутами. Иногда свойства переносятся столь полно, что не разберешь, вещи это или люди. Герой машинально движется сквозь эту реальность, а его мозг продолжает работать вхолостую, выстраивая и теряя логические звенья, лишённые смысла.

Герой повествования старается быть «тише воды, ниже травы». В попытках самосохраниться, он ежеминутно принуждает себя к незаметности, невовлечённости. Наедине с собой, перед выходом во внешний мир, он настраивает мышцы, мимику и сознание на покорность. Тем не менее, в самом своем бытии герой остается «посторонним»: он чужд окружающей его действительности, и она чужда ему. В воздухе разлит *страх*, ассоциируемый с горящим ночью окном, символизирующим вторжение в дом тех, кто может прийти арестовывать хозяев. Об этом — подслушанный героем разговор прохожих; и сам он боится увидеть свое окно горящим при возвращении домой.

Герой носит говорящую фамилию, все три слога которой призывают к тишине: Шу-ша-шин. Он давно усвоил, что «в покорности судьбе необходимо упражняться», а потому «каждый свой день, обувшись и умывшись... начинает экзерцисом... Подойдя к стенке, он прислоняется к ней лопатками и стоит так в позе предельной покорности. Минута-две. И всё. Экзерцис окончен. Можно начинать жить». Покорность эта направлена не в отношении чего-то конкретного, но готовность подчиниться миру вообще, любым его проявлениям: «упражнение, не требующее других приборов, кроме человека, стенки и лба, подставленного *под что угодно*». Это регулярно выполняемое упражнение в покорности предстает ритуалом: во всяком случае, как ритуал вправе истолковать его читатель, делающий соответствующие выводы относительно причин, его обусловивших, и механизмов снятия угроз, которые подобный ритуал предполагает. Ср.:

Все-таки, как ни говори, метод, система — великое дело. Ты знаешь, мне иногда кажется, что если каждый день, точно в одно и то же время совершать одно и то же действие — как ритуал — систематически и непреложно — каждый день, в одно и то же время непременно, — мир изменится. Что-то изменится! Не может не измениться. Ну, скажем, утром ты просыпаешься, встаешь ровно в семь часов, идешь в ванную, наливаешь стакан воды из-под крана и выливаешь воду в унитаз. Только и всего².

² Тарковский. 1988. С. 4 (Монолог Александра в начале фильма).

Подобный ритуал, вне зависимости от того содержания, которое вкладывает в него практикующий, обладает психотерапевтическим действием, значимым для невротика³. Подобные ритуалы «мотивированы главным образом “a tergo”, их сопровождает не порыв к цели, но ощущение принуждения. Они должны быть выполнены не для какой-либо видимой цели, а из чисто внутренней потребности»⁴.

Одаренность Кржижановского как художника проявляется в том, что описываемые им ситуации и явления (сколь бы фантастичны или условны они не были) имеют прямое отношение к бытию: они присутствуют в жизни, у его современников. Пример тому — младший современник Кржижановского — ленинградец Я.С. Друскин (1902–1980), философ и теолог, участник группы «Чинарей», в которую входили Д.И. Хармс, А.И. Введенский, И.М. Олейников и Л.С. Липавский. Помимо схожести внешней житейской канвы (Друскин, ученик Н.О. Лосского, получил диплом философа, но сознательно порвал с профессиональной философской средой), Друскина и Кржижановского связывают внутренний разлад с миром, прижизненная неизвестность, отсутствие дома, отношение к комнате как к убежищу. Известно, что Я. Друскин был привержен определенным ритуалам. Вот как вспоминает о нем его брат М.С. Друскин:

Он жил в разладе с миром... Вещный мир враждебен ему. Ему чужда и природа: “Все это покрывало Майи”. Если бы не вынужденная в годы войны эвакуация, он не выезжал бы из родного города; после детства посещал окрестности только потому, что там жили родные... Он жил в разладе и с собственным телом... Не тело, а комната, в которой жил, размышлял, писал, — обиталище его души... В попытке оградить себя и близких от угроз внешнего мира разработал собственную систему примет как соблюдение норм и законов поведения, себе поставленных. Среди ритуальных знаков есть нормативные: например, если что-либо забыл взять с собой, не возвращаться

³ Давиденков. 1947; Лангер. 2000. С. 49: «Создание разнообразных защитных и охранительных ритуалов, поражающих нас теперь своей бессмысленностью, совершенно совпадает по своему неврофизиологическому механизму с теми ритуальными действиями, которыми пользуется невротик для своего успокоения».

⁴ Лангер. 2000. С. 49.

домой, сакральные числа и т. п. Из индивидуальных, ему присущих, — касания... Еще в молодости — перед сном — он начал двуперстно касаться дверного крюка, причем известное число раз (в зависимости от конкретного случая число касаний менялось). При длительном или дальнем отъезде близких — то же двуперстное касание предплечья отъезжающего. При прощании — магическое слово “осторожно” (в письмах — его аббревиатура). Он не любил предзакатные часы, говорил, что душа томится, стремился уйти до наступления сумерек, если был не дома... Невыполнение ритуальных знаков могло, в его представлении, грозить бедой. В применении к нему привычное выражение “он жил вне времени и пространства” требует уточнения. Пространство, как сказано, — его комната, от всего внешнего замкнутая; остальное — видимость, кажущаяся, к чему он безразличен; пространство же души не имеет границ. А время разомкнуто — это время его мысли; тут нет отсчета. Характерно, что подавляющее большинство написанных им вещей не датировано: время будто остановилось когда продуманное он начал записывать. Осталось *сейчас*, и это *сейчас* длилось десятилетиями⁵.

Герой рассказа «Красный снег» старается сосредоточиться на себе. Внешнего мира он не хочет ни видеть, ни слышать (отсюда и фрагментарность восприятия). Он испуган. Единственный раз, когда его заинтересовывает чужой разговор — это разговор о чьем-то аресте («горящее окно»). В столовой он слышит, как новый хозяин жизни — молодой советский литератор — передает содержание некоего рассказа, о том, как двое идут по темной спящей Москве, и тишину нарушает лишь скрип снега да надсадное «пение вторых петухов». Последнее, как небывальщина, становится объектом усмешки рассказчика. Когда Шушашин делает робкую попытку возразить относительно «вторых петухов», ему поясняют, что всем «столичным шантеклерам» уже давно перерезали горла. Это место «Красного снега» отсылает сразу к двум литературным произведениям. Герой пьесы Эдмона Ростана (1910) — петух Шантеклер, певец зари, верящий в то, что его пение может прогнать ночь. «Второй крик петуха» — это, помимо прочего, еще и отсылка к «Вию» Гоголя: в третью ночь перед самым рассветом легион бесов нападает на «философа» Хому Брута, и тот падает

⁵ Друскин М. Каким его знаю. С. 8-9.

замертво. Первый крик петуха слышит не вся нежить, но крик второй — знак для нечисти, что ее время вышло: бесы бросаются вон, и тут же окаменевают в свете зари. «Надсадный крик» петуха в «Красном снеге» означает, что петух голосит уже давно, тщетно призывая рассвет, изгоняющий бесов. Однако, рассвета ждать бесполезно: в мире «Красного снега» утро похоже на «поседевшую за ночь ночь». Таким образом, участь «философов» (= интеллигентов) незавидна. Собственно, и голосить некому — московские петухи давно пошли в суп. Кроме того, как следует из дальнейшего повествования, существование мыслящих людей уже сейчас «загробное», они мертвы до физической гибели, став нежитью.

Герой «Красного снега» пытается замкнуться от страшной действительности дома, в крохотной комнате коммуналки, а оттуда уйти еще дальше — в себя, в свои сны. Но скрыться от мира невозможно и в комнате. Устойчивый мотив рассказа — «выталкивание». В физическом смысле это означало выселение из комнаты, из Москвы. Не случайно Анна Бовшек, жена Кржижановского, упоминает о кампании по «разгрузке Москвы» в начале 30-х, а затем пишет об арестах, начавшихся в 1929-м, добавляя, что настроение тех лет передано в «Красном снеге». В конечном счёте, человеку грозит выселение из самого себя — его лишают собственных мыслей: «Э, батенька, из квартиры... Меня вот из собственной моей головы выселили». Изолированный, выброшенный из бытия индивид, надеется, что место для свободы все же осталось: он полагает, что может выстроить внутри своего сознания, своих фантазий мир, в котором пребудет полновластным хозяином положения. Он видит выход в отступлении из бытия в сферу мышления, которое, однако, как он сознает, представляет собой небытие и загробную жизнь, в связи с чем, сама природа устраивает интеллигентам похороны: «Деревья... грустят о нас, тех, которые умели их видеть... Ранние зимние приполуденные сумерки... пепельной просыпью сквозь поры воздуха... И там вот вдалеке, за стеклом, — первый огонь — как поминальная лампада...».

Вторая половина рассказа «Красный снег» — сомнамбулическая; она представляет собой странствие героя в мире сна. Тема сновидений важна для Кржижановского, он разрабатывает её и в художественных, и в литературоведческих работах, осмысливает в

контексте взаимоотношений субъективной и объективной реальности. Мастерски описан переход героя от бодрствования ко сну: Шушашин закрывает глаза, при этом его виски пронизывает тёплый ветер, сознание несётся во тьму, и вдруг «виски отброшены», то есть сознание более не ограничивается черепной коробкой:

Шушашин... прикрыл глаза ладонью... Он пробовал... развязать и сбросить с себя день... но *тесный* день продолжал охватывать мозг... Сквозь зажатые веки деревья... протягивали... ветви, прося *уметь их видеть*... Шушашин, напряженно всматривался *зажатыми* глазами... но сбоку — как-то сквозь виски — ударило теплым ветром, и... все до последнего призывуки... свечное кануло в... во что? Он пробовал оторвать ухо от подушки, настигнуть зрачками, но голова то ухала в тьму, то неслась, задевая о желтые огни, чтобы снова кануть в пустоту. И вдруг крутой поворот ветра сбросил виски вверх, и Шушашин увидел себя сидящим на кровати, ладонями в тюфяк. В комнате было темно. За стенками — ни единого звука. В стеклянной мембране окна — ни легчайшего эха улиц. Молчание было так полно, что можно было слышать тембры своих мыслей: ну, да, конечно, это тот черный час, когда, пока всё спит, бодрствует смысл...

Тело его было странно *легким и гибким*. Дверь *беззвучно* отворилась. В коридоре и в кухне *все углы и вещи точно сторонились* его шага... Снова улица: но теперь *иная и новая*. Черные глазницы окон над пустыми стланиями земли. *Ни обоза, ни шага*. И только вдоль панели и *сквозь виски* настойчивый, но *теплый*, ни на секунду не затихающий *ветер*. Шушашин распахнул полы пальто, и *ветер*, толкая их, как парус, *вел*, поворачивая скольльзящие шаги *из переулка в переулки*⁶.

Особенностью представлений Кржижановского является идея о том, что смыслы уходят корнями в иррациональное (А. Шопенгауэр) и подсознательное (З. Фрейд):

Да, я чувствовал и себя, и свою литературу затоптанными и обесмысленными, и не помоги мне болезнь, здоровый исход вряд ли бы был найден. Внезапная и трудная, она надолго выключила меня из писательства; бессознательное мое успело отдохнуть, выиграть время и набраться смыслов⁷.

⁶ *Кржижановский*. Красный снег (1930) // СС. Т. 5. С. 155-156.

⁷ *Он же*. Клуб убийц букв (1926) // СС. Т. 2. С. 13.

Сознание транслирует или манифестирует подсознательное, становится его рупором: «сознание служит у подсознательного в лектриссах». В то же время, смыслы и мышление Кржижановский отождествляет с логикой, которая формально, в узком смысле, представляет собой аристотелевскую науку построения силлогизмов, но в смысле расширительном является дисциплинированным (то есть прошедшим интеллектуальную выучку) мышлением, владеющим культурой оперирования понятиями и категориями, реализующем свою суверенность в игре с ними (говоря языком Кржижановского, это мышление, практикующее искусство построения силлогизмов).

Смыслы, корни которых уходят в подсознательное, являются результатом актов осознания, связаны с понимающим *видением* предметов: «Люди слепы: оттого и смыслы их пусты» (эта идея повторяется и в «Красном снеге»). Сновидение имеет смешанную природу: это сфера подсознания (иррационального), но одновременно это и область, порождающая образы, а значит связанная с творчеством, область, откуда берут начало сознание и смысл⁸. Логическое и образное здесь неотделимы друг от друга («силлогизмы порождающие образы и образы, порождающие силлогизмы»), что в общем, представляет идеал, к которому в искусстве стремился Кржижановский. Указанный баланс в целом сохраняется в первой половине сомнабулического странствия Шушашина, однако в финале иррациональное берет верх⁹, и логика растворяется в кошмаре.

Во сне Шушашин переходит в мир смыслов, в том числе в мир логических парадоксов, сферу интеллектуальных упражнений и игр. Здесь персонифицируется «И Я» — дневной парадокс, двухбуквие,

⁸ Ср. надпись, которой Франсиско Гойя сопроводил офорт 43 из серии «Капричос» (1799): «...воображение, покинутое разумом, рождает немислимых чудовищ, но в союзе с разумом оно — мать искусств и источник творимых им чудес» (“La fantasia abandonada de la razon, produce monstruos imposibles: unida con ella, es madre de las artes y origen de sus marabillas”).

⁹ Здесь, как бы не любил Кржижановский «логику», он следует Шекспиру. Ср. *Кржижановский*. Комедиография Шекспира. Сон летней ночи и сон в вечной ночи (1934) // СС. Т. 4. С. 170: «Шекспир... пьесу эту [Зимнюю сказку]... строит по образу и подобию сказки — грезы — сна... Ткань пьесы точно из нитей сна, ассоциативный ряд, как в сновидении, берет верх над логическим рядом».

не могущее существовать в дневной реальности, но оживающее в этой. И Я предупреждает Шушашина, что его попытки стать ниже воды, тише травы обречены на провал. То, что тот подавляет в себе (то, что немее рыб), прорвется наружу, как его не глуши.

Стоит отметить, что в начале путешествия в мире ином, И Я неявным образом является вожатым Шушашина, поскольку в какой-то момент задает направление пути, в финале приводящего того к лужам крови. О проводнике (Вергилии) ведущем путника (Данте) сквозь лес, который *кровоточит*, Кржижановский впоследствии будет писать в своей теоретической работе¹⁰.

Мозговая игра. Все происходящее с Шушашиним во сне — это искаженное отражение его дневного бытия. Действие преимущественно развивается в интерпретационной парадигме Фрейда, но в некоторой части, как порождение мозговой активности, подпитывается концепциями и образами тех текстов Кржижановского, в которых тот демонстрирует свою осведомленность в той части современной ему науки, которая была представлена исследованиями, проводившимися в двух, находившихся в одном здании институтах, — Институте мозга (создан в 1918 г. В.М. Бехтеревым) и Институте переливания крови (создан в 1926 г. А.А. Богдановым)¹¹.

Не случайно, в мгновения перехода ко сну Шушашин «напряженно всматривается» закрытыми глазами в отпечатавшиеся на сетчатке дневные образы, в связи с чем упомянуты «призвuky из зрительных точек в глазах». Глаз и мозг — устойчивая пара у Кржижановского, поскольку сетчатка глаза является вынесенным вовне кусочком мозга¹². Кржижановский неоднократно пишет о

¹⁰ *Кржижановский*. Поэтика Шекспировских хроник IV (1935) // СС. Т. 4. С. 250-251: «Одна из песен первой кантики Данте вводит нас в мёртвый лес. Стволы деревьев неподвижны, ветви безлиственны. В лесу ни единого звука. Только шаги поэта и его спутника. Но случайное прикосновение к ветке рождает стон, прятанный под корой; из обломанного сучка сочится кровь. Это лес самоубийц... История пред-шекспировских веков — это повесть о росте феодальных геральдических древ, столпившихся в целый лес ветвящихся дворянских родов... Прикоснись к любому дереву или даже пню геральдического леса — и из-под коры кровь или стон». (На самом деле, здесь соединены образы песен 1 и 13 «Ада». — *В. П.*)

¹¹ Ср. *Беляев*. Голова профессора Доуэля (1925); *Спивак*. 2001. С. 1-82.

¹² *Кржижановский*. Берард Шоу, его образы, мысли и образ мыслей 4 // СС. Т. 4. С. 531: «У меня сейчас узкая цель — показать лишь необы-

мозговых оболочках¹³, упоминает нейроны, фибриллы, ассоциативные волокна, белое и серое вещество, дендриты (δένδρον, «дерево»). При этом он не боится отдающих вульгарным материализмом отождествлений мозга и мышления¹⁴: проникновение в

чайную пристальность, детализованность и точность образных оттисков на сетчатке и мозгу писателя»; *Там же* 8. С. 544: «...глаз и мозг поступают с отражением мира точь-в-точь так, как Шоу со своей “пьесой-тележкой”»; *Он же*. *Арго и Ergo II* (1918) // СС. Т. 5. С. 507: «...потянувшись за Теми, дальними вещами, близить их, сколько возможно, к глазу и мозгу»; *Он же*. *Чётки II* (1921) // СС. Т. 1. С. 170: «...жгло мозг и глаз»; *Он же*. *В зрачке* (1927) // СС. Т. 1. С. 461: «...что-то... больно задело меня за край зрачка и отдалось острой болью в мозг»; *Он же*. *Граيي* (1922) // СС. Т. 1. С. 157: «...за мозгом, получающим опрокинутый мир от хрусталика, водится не менее озорная привычка — опрокидывать опрокинутое. Только благодаря такому двойному кувырканию и получается достаточно серьезный мир, где верх — вверху, и низ — внизу»; *Он же*. *Комедиаграфия Шекспира. Разность скоростей* (1934) // СС. Т. 4. С. 156: «...наше веко, точно крохотный бахромчатый занавес, отделяет все находящееся по ту сторону ресниц, ресноту, от мира наших внутренних переживаний, который можно “видеть” и с закрытыми глазами. Мир внемозговой и мир внутримозговой, факты и мысли — в постоянном движении. Как смена фактов, так и смена мыслей совершается с той или иной скоростью... Они движутся с разными скоростями». См. *Грегори*. 1970. С. 78.

¹³ *Кржижановский*. *Неуют I* (1927) // СС. Т. 5. С. 197: «...пульсирующие мозговые оболочки»; *Он же*. *Безработное эхо* (1933) // СС. Т. 2. С. 486: «...спать на мягком и гладком мозгу, укутавшись в три мозговых оболочки».

¹⁴ *Он же*. *Случай* (1934) // СС. Т. 3. С. 271: «Мозг человека, эти три фунта мяса, строящие мирозерцания, — престранная штука»; *Он же*. *Искусство эпиграфа (Пушкин) IV* (1936) // СС. Т. 4. С. 410: «Мозг, говорили... вульгаризаторы материализма, выделяет мышление, как печень выделяет желчь. Идеалисты начала прошлого века могли бы сказать: мозг выделяет мышление за пределы черепа — и из этого мышления образуется внешний мир»; *Он же*. *Белая мышь* (1927–1928) // СС. Т. 5. С. 210: «Пользуясь глубоким сном, [души] выскальзывают, покинув мозг, обычно в виде маленькой мышки... Выходом всегда служит левое или правое ухо спящего... Упершись задними лапками в мозг, [душемышь] оттолкнулась, выпрыгнула на воротник спящего, потом на плечо и, мелко семенила... лапками, шмыгнула по беззвучным мхам». Ср. *Шопенгауэр*. *О четвероножии* (1851) // СС. Т. 1. С. 43-47: «...мозга, который весит три, а в отдельных случаях даже до пяти фунтов... Физиологически он [интел-

нейронную ткань мозга приравнивается им к проникновению в мышление¹⁵; познание какой-либо вещи есть перенесение её сути внутрь мозга познающего¹⁶. Мозг предстает у Кржижановского

лект] — функция мозга, которую мозг так же не черпает из опыта, как желудок — пищеварение или печень — выделение желчи).

¹⁵ *Он же*. Странствующее «Странно» II (1924) // СС. Т. 1. С. 333: «...Случайно я вспомнил о так называемом “гипотетическом человечке”, измышленном Лейбницем в одном из его писем к Косту: гипотетический человечек, пущенный ради полемических целей внутрь мозга человека, меж клеток которого он может свободно бродить... Лейбницевский фантазм мне понравился: я решил, что ему пора уж, давно пора, из мифа в действительность. И вскоре я уже пробирался среди ветвистых дендритов и нейронов, спутавших свои осевидные отростки в одну мозговую чашу... Нейронные ветви были живы и шевелились, отдергиваясь от прикосновения, и когда я разрывал их, фибриллы сочились кровью и липкой влажью. Я находился внутри мышления моего врага: я видел дрожь и сокращение рыхлых ассоциативных нитей, с любопытством наблюдал то стягивающиеся, то длинящиеся щупальцы нервных клеток, сцеплявших и распеплявших свои длинные вибрирующие конечности. Я стал хозяйничать в чужом мозгу так, как это бы сделал дикарь, попавший на телефонную станцию: я разрывал ассоциативные волокна, как рвут провода в тылу у врага, кромсал концевые отростки нейронов, по крайней мере те из них, которые были мне под силу. Иные отдергивающиеся друг от друга извилистые ветви нервов я насильно связывал двойным морским узлом. Если б я мог, я бы выкорчевал весь этот мыслящий лес, но я был слишком мал и слаб и вскоре, выбившись из сил, весь в брызгах крови и рваного мозга, бросил свою жестокую, но бесполезную работу. И пока я отдыхал, живой лес уже успел вырастить новые нити и, спутав вокруг меня тысячи тысяч клеток, продолжал свой сцеп и расцеп ветвей, польз и дрожь тонких и склизких белых и серых сплетений»; *Он же*. Воспоминания о будущем XI (1929) // СС. Т. 2. С. 411: «Стоит только втиснуть голову в эту... воронку, свои виски... Мозг наш, как известно, капельно-жидок, и воронка моя, переливающая его, точнее — растворенное в нем мышление из пространства во время... ведь комплекс ощущений запрятан под три мозговых оболочки плюс костяной футляр — надо было... сорвать все это опеленывающее и поднять лобную кость как заслонку простого фонаря и дать выход свету».

¹⁶ *Он же*. Катастрофа (1919–1922) // СС. Т. 1. С. 124: «Прежде чем постигнуть какой-нибудь феномен, подумайте, приятно ли было бы вам, если б, вынув из вас вашу суть, отдали бы её в другой, враждебный и чуждый вам мозг».

емкостью для мыслей, образов, снов, процесса познания¹⁷. В свою очередь, мозг вложен в тело, а тело — во внешний мир¹⁸. Боясь мира, мы закрываем глаза и прячем мозг за черепные кости¹⁹. Мысль можно затиснуть и бросить на «дно мозга»²⁰. В «Неуют» (1928) Кржижановский описывает проникновение внутрь мозга спящих с целью инспекции сновидений, а также воздействие на мозг при помощи бактерий в «Клубе убийц букв» (1926). Упоминаются манипуляции с мозгом и в «Возвращении Мюнхгаузена» (1928). Исходя из изложенного выше становится понятно происходящее во второй части «Красного снега». Вот Шушашин начинает засыпать:

...связи путались и стягивались узлами, и тесный день продолжал охватывать мозг: лестницы рябили ступенями, и сквозь

¹⁷ *Он же*. Сон летней ночи и сон в вечной ночи (1934) // СС. Т. 4. С. 167: «Калибан относится к вброшенному бутылки»; *Он же*. Штемпель: Москва 4 (1925) // СС. Т. 1. С. 526: «Москва слишком пестра, слишком велика и слишком метко бьет своими образами, чтобы, живя в ней без век, можно было уберечь хотя одну извилину мозга, хотя бы крохотный уголок внутри черепа, от образов, заполняющих стихийно мозг».

¹⁸ *Он же*. Философема о театре, гл. 1 (Сущности влекутся к призракам) // СС. Т. 4. С. 50: «...нервный процесс познания вложен в мозг; мозг в тело; тело во внешний мир. Мозг наиболее к процессу познания; тело дальше; внешний мир — и того дальше»; *Он же*. Воспоминания о будущем XI (1929) // СС. Т. 2. С. 411: «...ведь комплекс ощущений запрятан под три мозговых оболочки плюс костяной футляр — надо было... сорвать все это опеленывающее и поднять лобную кость как заслонку простого фонаря и дать выход свету»; *Он же*. Сальер-гюль (1933) // СС. Т. 3. С. 447: «Закрыв глаза, я ясно ощущаю холодок у висков и затылка...опадает... кожа, сматываются виски, ставшие мягкими, лёгкими и скользкими, как обмот шёлка, — кости черепа, за ними мозговые оболочки — и мозг оголён, беззащитен, подставлен под все глаза, уличную пыль и тонкую, в мелизмы одетую фальцетную ноту».

¹⁹ *Он же*. Чудак (1922) // СС. Т. 2. С. 438: «...мы, затиснув глаза, спрятав мозг за черепные кости, делаем всё, чтобы не быть».

²⁰ *Он же*. Желтый уголь 2 (1939) // СС. Т. 3. С. 67: «Профессор Лекр все опасливее и опасливее разглядывал скрежещую ободами и жужжащую растревоженным людским роём улицу... Сначала брови знаменитого физиолога были разведены удивлением, затем они сжались, затиснув бьющуюся в них мысль... Мысль, туго связанная с ассоциативными нитями, была брошена на самое дно мозга».

зжатые веки дерева бульваров протягивали нищенские ветви, прося уметь их видеть, а сутулый человечек в бороде из тумана упрямо втапывался в землю... из аршинного стал футовым, из футового вершковым, из вершкового дюймовым, из дюйм...

Изображение сознания погружающегося в сон героя, перед мысленным взором которого прохаживается всё уменьшающийся человечек, рядом деталей напоминает отрывок из рассказа «Странствующее ‘Странно’», где ставший *крохотным* персонаж попадает внутрь мозга, в лес из нейронных ветвей, сплетений и узлов ассоциативных связей²¹.

То, что с уклоном в нейрофизиологию описывает Кржижановский, составляло существенный элемент метафизического мира романа «Петербург» Андрея Белого, в котором реальность предстает иллюзорной мозговой игрой²², а субъектом продуцирующим мышление персонажа оказывается не он сам, но нечто ему трансцендентное. Как объяснял А. Белый в одном из писем тринадцатого года: весь роман можно было назвать «Мозговая игра». И действительно тема иллюзорности повседневного бытия, предстающего лишь раздражением мозговой оболочки, — это лейтмотив романа²³. Для «Петербурга» характерна большая метафизичность,

²¹ *Он же*. Странствующее «Странно» II (1924) // СС. Т. 1. С. 333, см. примеч. 15.

²² *Белый А.* Петербург, гл. 1. С. 56: «Мозговая игра — только маска; под эту маску совершается вторжение в мозг неизвестных нам сил: и пусть Аполлон Аполлонович соткан из нашего мозга, он сумеет все-таки напугать иным, потрясающим бытием, нападающим ночью. Атрибутами этого бытия наделен Аполлон Аполлонович; атрибутами этого бытия наделена вся его мозговая игра»; «Неужели же мозговая игра, разделявшая их столько лет и зловеще сгущенная за два с половиною года, — вырвалась наконец из упорного мозга? И вне мозга уже тучами посгушались над ними? Наконец разразилась вокруг небывалыми бурями? Но разражаясь вне мозга, она истощилась в мозгу; медленно мозг очищался».

²³ *Белый А.* Петербург, гл. 1. С. 36: «...промелькнувшие мимо (картины, рояль, зеркала, перламутр, инкрустация столиков), — словом, все, промелькнувшее мимо, не могло иметь пространственной формы: все то было одним раздражением мозговой оболочки, если только не было хроническим недомоганием... может быть, мозжечка»; *Там же*, гл. 1. С. 35: «...мысль с Невского забежала обратно в сенаторский мозг и там упрочи-

но и там метафизика соседствует с физиологизмом в описании мыслительных процессов²⁴ или совмещением метафизического и бытового²⁵. «Мозговая игра», «мозговые пространства», «мозговые извилины»²⁶, вспышки в глазном яблоке²⁷, переход из яви в сон²⁸ и далее

ла сознание, будто самое бытие незнакомца в голове этой — иллюзорное бытие».

²⁴ Там же, гл. 1. С. 35: «...прекрасная лестница! На ней же — ступени: мягкие, как мозговые извилины»; «[Табачный] дым проникает серое мозговое вещество... Мозговые полушария засариваются: общая вялость проливается в организм...».

²⁵ Там же, гл. 4. С. 183: «Закоулок был пуст... как пуста человеческая душа. На минуту Николай Аполлонович попытался вспомнить... о том, что события этого брэнного мира не посягают нисколько на бессмертие его центра и что даже мыслящий мозг лишь феномен сознания; что... его подлинный дух-созерцатель все так же способен осветить ему его путь... Но кругом встало это: встало заборами; а у ног он заметил: какую-то подворотню и лужу. И ничто не светило».

²⁶ Там же, гл. 1. С. 36: «За захлопнутой дверью не оказалось гостиной: оказались... мозговые пространства: извилины, серое и белое вещество, шишковидная железа; а тяжелые стены, состоявшие из искристых брызг (обусловленных приливом), — голые стены были только свинцовым и болевым ощущением: затылочной, лобной, височных и теменных костей, принадлежащих почтенному черепу».

²⁷ Белый А., *Петербург*, гл. 8, с. 412: «...в глазном яблоке... происходила бурная жизнь; обыкновенные точки, видные на свету и проецированные в пространство, — теперь вспыхнули искрами; выскочили из орбит в пространство; заплясали вокруг, образуя докучные канители, образуя роящийся кокон — из светов: на пол-аршина; и — более; это — и было пульсацией: теперь она вспыхнула. Это и были рои себя мысливших мыслей. Паутина ткань этих мыслей — понял он — мыслит-то вовсе не то, что хотелось бы мыслить обладателю этой ткани, то есть вовсе не то, что пытался он мыслить при помощи мозга, и что — убежало из мозга (правду сказать, — мозговые извилины только пыжились; мыслей в них не было); мыслили только пульсы, рассыпался бриллиантами — искорки, звездочки; на золотом этом рое пробежала какая-то светоножка, отдаваясь в нем утверждением...».

²⁸ Там же, гл. 3. С. 138: «Иногда (не всегда) перед самой последней минутой дневного сознания Аполлон Аполлонович, отходящий ко сну, замечал, что все нити, все звезды, образуя клокочущий крутень, сродили из себя коридор, убегающий в неизмеримость... коридор — бесконечное продолжение самой головы, у которой раскрылось вдруг темя — продол-

в сон во сне²⁹, — это отличительные черты «Петербурга», которые проявляются и у Кржижановского. Для Белого, как и для Кржижановского, происходящее в сознании развивается с превышающей обычное бытие скоростью³⁰.

жение в неизмеримость; так-то старый сенатор пред отходом ко сну получал престранное впечатление, будто смотрит он не глазами, а центром самой головы, т.е. он... не Аполлон Аполлонович, а нечто, засевшее в мозге и оттуда, из мозга глядящее; при раскрытии темени это нечто могло и свободно, и просто пробежать коридор до места свержения в бездну, которое обнажалось там, вдали коридора).

²⁹ Там же, гл. 3. С. 140-141: «...вдруг лишенный весомости... самого ощущения тела... Аполлон Аполлонович представил себе, что воздел он пространство зрачков своих... по направлению к месту темени, он увидел, что и темени нет, ибо там, где мозг зажимают тяжелые крепкие кости, где нет взора, нет зрения, — там Аполлон Аполлонович в Аполлоне Аполлоновиче увидал круглую пробитую брешь... [которая] была окружена колесом летающих искр, бликов, блесков... Что-то с ревом и свистом, похожим на шум ветра в трубе, стало вытягивать сознание Аполлона Аполлоновича из-под крутя сверканий (сквозь темянную синюю брешь) в звездную запредельность... Ветер высвистнул сознание Аполлона Аполлоновича из Аполлона Аполлоновича... У сознания открылись глаза, и сознание увидало то самое, в чем оно обитает: ...старичок сидел на постели; голыми пятками опирался о коврик он. Миг: сознание оказалось самим этим желтеньким старичком... Аполлон Аполлонович понял, что все его путешествие по коридору, по залу, наконец, по своей голове — было сном. И едва он это подумал, он проснулся: это был двойной сон. Аполлон Аполлонович не сидел на постели, а Аполлон Аполлонович лежал, с головой закутавшись в одеяло...».

³⁰ Там же, гл. 2. С. 93: «...мысль в те минуты несомненно опережала и язык, и мозг, начиная вращаться с бешеной быстротою». *Кржижановский*. Комедиография Шекспира. Разность скоростей // СС. Т. 4. С. 156-157: «При самом поверхностном даже наблюдении легко заметить, что мысли стремятся идти впереди фактов, в обгон им. Самое наличие в нашей психике таких элементов, как нетерпение, ожидание, предчувствие, мечта, определяет расхождение рядов. Нетерпение забегает вперед событий, ожидание живет в завтра, предчувствие и предсказание, в жизни часто обманывающие, но никогда не лгущие на шекспировском театре, дают психологическую реакцию на еще не наступившее событие. Особенно серьезно обстоит дело с привычкой мечтать, грезить. Малое зерно реальности, крохотный факт, попадая на почву мечтаний, мгновенно разрастается в ветвящееся дерево, через секунды дающее цветы и плоды, а также

Очевидно, что все происходящее в сомнамбулической части «Красного снега», так или иначе связано с подсознанием³¹. Фигура «И Я» — это та часть Я протагониста, которая вытеснена и подавлена в дневном существовании, но мгновенно проявляется при переходе в сон: «Я всякий раз, когда мне ни разу». Более того, И Я еще не раз проявится в разных обличьях: «Моему я еще во множество мест». Шушашин получает предупреждение: «мысль немее рыб, к дну, но если их глушить, они всплывают наверх», означающее то же самое — все подавляемое вырвется наружу.

Во сне Шушашин начинает обратный путь, сначала возвращаясь к своему дому, а затем — к выходу из сна в бытие. Окружающая среда становится еще мрачнее: «черные впадины окон, точно ниши гигантского крематория». Начинает идти снег. Постепенно Шушашин понимает, что снег пропитан кровью, кровь скапливается в лужи, течет из дождевых труб, с пальцев³².

воображаемую тень, протянувшуюся назад — на отстающие факты. Наконец, можно с точностью утверждать, что не только скольжение эмоции и образов, но и тяжеловооруженное логическое мышление идет всегда впереди внешних явлений. По крайней мере, должно идти... Разность скоростей меж движением идеального и реального рядов — факт самоочевидный. Лента с представлениями (образами вещей) продергивается значительно быстрее. Транспорт фактов, медлительно подающий мозгу материал, не может угнаться за мыслью. Товарный поезд, груженный материальными вещами и громоздкими внешними событиями, пропускает вперед шнельцуг из силлогизмов»; *Он же*. Сон летней ночи и сон вечной ночи // СС. Т. 4. С. 174: «Во сне снимается противоречие между внешним и внутренним, причем преимущества скорости у внутреннего, идеального ряда не отнимаются... Шекспир поставил себе труднейшее технологическое задание: заставить *явь скользить со скоростью сна*, но так, чтобы сверхреальная скорость не порвала связей меж явлениями реальности и не сбросила их в сон. Короче: выиграть в скорости, не проиграв в реальности».

³¹ Ср. *Кржижановский*. Комедиография Шекспира. Сон летней ночи и сон в вечной ночи (1934) // СС. Т. 4. С. 170-173: «Сновидение есть единственный случай, когда мы свои мысли воспринимаем как внешние факты».

³² В рассказе это описывается с помощью соответствующей лексики: «влажный и теплый», «медленными, не отстающими хлопьями», «оседая на губах, давал какой-то сладковатый и железистый привкус», «На платке — темное пятно», «на землю падал красный снег», «красные

Как истолковать кровь? У Кржижановского сочащаяся кровь — устойчивый образ³³. Однако в данном случае напрашиваются и более конкретные объяснения.

«Технологически» (так учит Шекспир) в художественном произведении шокирующие образы (кровь) делают происходящее во сне правдоподобным³⁴.

«Нейрофизиологически»: все происходящее — «мозговая игра», мы внутри мозга, в пропитанном кровью лесу нейронов и дендритов³⁵.

«Метафизически» кровь — это то, что делает бытие призраков жизнью. В этом смысле убить, пролить кровь — это воскреснуть, вернуть «плоть и кровь» себе³⁶ (ниже будет показано, что вырваться из кошмара можно только «убив» сон).

лужи», «из дождевых труб текла алая прелая жижка», «с пальцев капали пурпурные капли».

³³ *Кржижановский*. Якоби и «якобы» (1918) // СС. Т. 1. С. 120: «С солнца закапала мутно-алая кровь».

³⁴ *Он же*. Комедиография Шекспира. Сон летней ночи и сон вечной ночи (1934) // СС. Т. 4. С. 171: «Зачем объективировать сны, материализовать кошмары?.. Нужно было вращать колесо комедии с наибольшей быстротой, но с такой, чтобы все спицы его были раздельно видны. Для этого требовалось раскрасить их возможно более ярко и пестро. Техника великого комедиографа, как увидим в дальнейшем, к этому, в основном, и сводится».

³⁵ *Он же*. Странствующее «Странно» II (1924) // СС. Т. 1. С. 339-342: «...я, хромая, увязал в кровавом месиве, с трудом проталкивая тело вперед. Безногие же кровавые шарики, лишённые крови, не могли двигаться... Кровь, та, что вокруг меня, давно уже остановилась, но кровь, кружившая во мне, никогда еще так густо не прилиwała к моему лицу... Надо было торопиться, чтобы до погребения всей этой огромной массы стылого мяса успеть выбраться наружу. Вначале, хотя я и сильно прихрамывал, знание анатомии помогало мне находить правильный путь внутри катакомбных ходов кровеносной системы... я, микрочеловек, познал макрочеловека до конца: мы соприкоснулись не кожей о кожу, а кровью о кровь».

³⁶ *Он же*. Швы. Человек человеку — призрак (1928) // СС. Т. 1. С. 398-399: «Человек человеку волк. Нет, неправда: сентиментально, жизнерадостно. Нет: человек человеку — призрак. Только. Так точнее. Вгрызться зубами в горло — значит поверить, хотя бы — это-то и важно — в чужую кровь. Но в том-то и дело: человек в человека давно перестал верить; еще до того, как усомнился в боге. Мы боимся чужого бытия,

Наконец, «мифологически» все персонажи мира сна — самоубийцы: они отказались от своей сути — быть суверенными и свободными мыслителями и творцами. Они стали «нищими», ожидающими, когда им выдадут очередную порцию «логизмов» или «слов». Мы — в Дантовском лесу самоубийц, где все сочится кровью³⁷.

Сновидение перерождается в кошмар. Отовсюду сочится кровь: она на губах героя, на руках, на одежде, сочится из водосточных труб, расплзается лужами под ногами. Отделённая от плеч голова «философа» лезет Шушашину под нос, шевелит губами:

Шушашин, отмахиваясь рукой, хотел мимо, но клянущая голова перегораживала путь. Тогда он толкнул ее. Выскользнув из рук, она плюхнулась в красную лужу и покатила под ноги Шушашину. Он споткнулся о красный шар и, еле удерживая равновесие, пнул его прочь. Пунцовая сырная голова запрыгала с деревянным стуком по бульбжнику³⁸.

Накануне вечером, на подходе к дому, перед тем, как войти в подворотню, Шушашин видит яркую витрину, «за которой на пустых прилавках круглые и красные, как головы, ободранные от кожи, деревянные сыры». Таким образом, переходу в сон для Шушашина предшествует экзистенциальный страх, находящий образное воплощение и фиксацию в виде отрубленных голов. То, что подобного рода ассоциации рассматривались Кржижановским как значимые с точки зрения писательского мастерства доказываются его литературоведческими работами: он пишет о Льве Толстом,

как боимся привидений, и только редко-редко, когда люди померещатся друг другу, о них говорят: любят. И недаром любящие ищут ночного часа, чтобы лучше привидеться друг другу: часа, когда приходят призраки. Забавно, что самая оптимистическая философия, измышленная Лейбницем, только и умела увидеть мир несочетанных монад, то есть онтологических одиночеств, из которых “ни единое не имеет окон”. И если попробовать быть оптимистичнее оптимиста и признать у душ окна, способность раскрытия их вовне, то уж конечно и окна эти, и способность наглухо заколочены и забиты, как в нежилых домах. И о монадах — людях ходит дурная слава: в них водятся призраки. Самый страшный из них — человек. Да, блаженны волки, ибо они уверовали — хотя бы в кровь. Все против всех — это то, до чего нам надо долго и трудно идти...».

³⁷ *Он же*. Поэтика Шекспировских хроник IV (1935) // СС. Т. 4. С. 250-251 (Текст см. *ниже*, в примеч. 40).

³⁸ *Он же*. Красный снег // СС. Т. 5. С. 161-162.

задумавшем написать «Хаджи-Мурата» при виде кроваво-красной головы репейника³⁹. В другой литературоведческой работе Кржижановский приглашает читателя войти в мир Шекспировских исторических хроник через врата из отрубленных голов, водруженных на пиках: войти в лес, сочащийся кровью⁴⁰. Схожим образом, перед туннелем подворотни, через которую Шушашин проникает в мир сна, выставлены сырные головы. Собственно, сам переход в сон тоже представлен как «потеря головы»: «голова то ухала в тьму, то неслась, задевая о желтые огни, чтобы снова кануть в пустоту».

Мир сна — искаженное воспроизведение дневного мира. Логично, что финал дневных скитаний Шушашина («кроваво-красные» головы) воспроизводится в финале путешествия во сне («пунцовая сырная голова запрыгала с деревянным стуком по булыжнику»).

Не только мир сновидений, фантазий и мыслей отражает мир бытия. В системе Кржижановского при «переворачивании смыслов» сам мир бытия может стать отражением мира снов. Поэтому

³⁹ *Он же*. Фрагменты о Шекспире (1939) // СС. Т. 4. С. 357: «Раскройте Л. Толстого, первую страницу его “Хаджи-Мурата”... Автор медленно рассказывает, как он собирает букет... Один только цветок не дается ему, это тот, который в народе называется татарин, репейник, мурат-царь (последнего имени Толстой благоразумно не называет). Мурат-царь торчит кроваво-красной головой, выставив вбок зеленую руку... Толстой признается, что именно здесь возникла у него мысль о написании “Хаджи-Мурата”».

⁴⁰ *Он же*. Поэтика Шекспировских хроник IV (1935) // СС. Т. 4. С. 250-251: «Джону Кеду приносят головы лорда Сея и его приверженца, воткнутые на пики: “пусть поцелуются”, — восклицает Кед. Пики сдвигают, тыча головой в голову. “Нет, разлучить, а то они и мёртвые станут шептаться о вашей гибели”. Пики разводят. В эти импровизированные ворота из двух копий с головами-набалдашниками я и предлагаю читателю войти в мир исторических хроник Шекспира. Одна из песен первой кантики Данте вводит нас в мёртвый лес. Стволы деревьев неподвижны, ветви безлиственны. В лесу ни единого звука. Только шаги поэта и его спутника. Но случайное прикосновение к ветке рождает стон, прятанный под корой; из обломанного сучка сочится кровь. Это лес самоубийц. Сдвинем контуры этого образа; история пред-шекспировских веков — это повесть о росте феодальных геральдических древ, столпившихся в целый лес ветвящихся дворянских родов... Прикоснись к любому дереву или даже пню геральдического леса — и из-под коры кровь или стон».

выход из сна в бытие — такой же, как вход в сон из бытия: «мимо глаз пронеслась в сыром предутрии витрина с дюжиной таких же вот деревянных и кровавых голов». Слово «таких же» означает, что теперь уже сыры напоминают-воспроизводят отделенную голову философа.

Предчувствие западни воплощается в реальность в последнее мгновение сна: проскочив подворотню «Шушашин стал, как врытый... его, шушашинское окно горело ярким светом». Горящее окно располагается на границе сна и яви, оно светит сразу в два мира — сна и яви. Дело в том, что окно *всегда* горит в сознании героя, будь то сознание бодрствующее или спящее. Когда в конце дня, Шушашин возвращается домой, окно горит в его сознании (ожидание ареста), но не в экстра-ментальной реальности. Когда он приближается к выходу из сна в явь окно продолжает гореть в сознании, которое теперь и составляет реальность окружающего его мира сна: «сновидение есть единственный случай, когда мы свои мысли воспринимаем как внешние факты»⁴¹.

Первое, что видит Шушашин, пробудившись: «напротив, красной прорезью в ночь, горело чужое окно». Здесь оно горит у других, а ему служит *напоминанием*: «не успел он приподняться на локте, как свет уже защелкнулся». Почему свет защелкнулся в момент пробуждения, ведь «воздух за окном» по прежнему «черен»? Быть может, это указание (как еще один смысловой слой), что финал сна (начиная с момента, когда Шушашин выходит под свет фонаря и понимает, что снег — красный) спровоцирован красным светом окна напротив.

Сам Кржижановский уподоблял выход из поверхностного сна в явь — сознательному акту веры, сравнимой с религиозной: мы должны поверить в то, что явь, потусторонняя сновидению, существует. Чтобы вырваться из кошмара, должно «самоубить» сон⁴². Пиная голову философа, Шушашин впервые проявляет агрессию,

⁴¹ *Он же*. Комедиография Шекспира. Сон летней ночи и сон в вечной ночи (1934) // СС. Т. 4. С. 170-173.

⁴² *Он же*. Записные тетради III // СС. Т. 5. С. 405: «Во сне, особенно когда он начинает прореживаться, — у нас возникает религиозное отношение к яви, которая ведь сновидению потусторонняя. В кошмаре мы лишь силою веры в явь переходим в нее, самоубиваем сон. Вероятно, психология верующего в “ту жизнь” (речь уже о действительности) в чем-то аналогична психическому состоянию человека, погруженного в неполный, поверхностный сон».

впервые перестает быть пассивным наблюдателем, но действует. Он символически «убивает» призрачного философа и, тем самым, убивает сон⁴³, вырывается из кошмара в явь. Все, что подавлялось в дневном бытии, проявилось во сне, но там оно столь же мертво, как здесь: «если их глушить, они всплывают, но только мертвые». Явь, впрочем, столь же невыносима, сколь безысходна. Бежать некуда, пора вставать, проделывать «экзерцис», добавлять единицу в календаре, тянуть до вечера, когда по возвращении, если окно «квадратуры» не окажется горящим, его ждет сон.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белый А.* Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / Изд. Л.К. Долгополов. М.: Наука, 1981. — *Белый А.* Петербург.
- Беляев А.* Голова профессора Доуэля. 1925. — *Беляев.* Голова профессора Доуэля.
- Грегори Р.Л.* Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М.: Прогресс, 1970. — *Грегори.* 1970
- Давиденков С.Н.* Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л.: изд. ГИДУВ, 1947. — *Давиденков.* 1947.
- Друскин М.С.* Каким его знаю // *Яков Друскин.* Дневники / Сост., подг. текста, примеч. Л.С. Друскиной. СПб.: Академический проект, 1999. — *Друскин М.* Каким его знаю.
- Кржижановский С.Д.* Собрание сочинений в 6 томах (М.: b.s.g.-press – СПб.: Symposium, 2001–2013) — *Кржижановский // СС.*
- Кржижановский С.Д.* Невольный переулок / Подг. к публ. и прим. В.В. Петрова // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Отв. ред. М.С. Петрова. М.: ИВИ РАН, 2012. — *Кржижановский.* Невольный переулок. С. 219-236.
- Лангер С.* Философия в новом ключе. М.: Республика, 2000 — *Лангер.* 2000.
- Петров В.В.* С(игизмунд) К(ржижановский) | К(расный) С(нег) // *Toronto Slavic Quarterly* 35 (2011). — *Петров.* 2011. С. 112-185.
- Петров В.В.* Платон и его учение у Сигизмунда Кржижановского (1887–1950) // *Логос* 6 [90] (2012). — *Петров.* 2012А. С. 58-84.
- Петров В.В.* Семь писем из Невольного переулка: к публикации рассказа С. Д. Кржижановского // *Интеллектуальные традиции в прошлом и*

⁴³ *Он же.* Комедиография Шекспира. Сон летней ночи и сон в вечной ночи (1934) // СС. Т. 4. С. 173: «Как в кошмаре: убиваешь, а убитый жив... Причинить смерть — значит убить и сон».

настоящем / Отв. ред. М.С. Петрова. М.: ИВИ РАН, 2012. — *Петров*. 2012Б. С. 205-218.

Петров В.В. История Невольного переулка: к рассказу С.Д. Кржижановского // *Toronto Slavic Quarterly* 41 (2012). — *Петров*. 2012В. С. 85-102.

Петров В.В. Платон и его диалоги в текстах Сигизмунда Кржижановского» // ПЛАТΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. — *Петров*. 2013. С. 674-720.

Петров В.В. Бытие и логика в философской прозе Сигизмунда Кржижановского // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем / Отв. ред. М.С. Петрова. 2 (2014). — *Петров*. 2014. С. 340-372.

Спивак М.Л. Пантеон российских мозгов // Посмертная диагностика гениальности: Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материал из архива Г. И. Полякова). М.: Аграф, 2001. — *Спивак*. 2001.

Тарковский А.А. «Жертвоприношение»: монтажная запись фильма. М.: Рекламфильм, 1988. — *Тарковский*. 1988.

Шопенгауэр А. О четверояком корне достаточного основания // *Шопенгауэр А.* О четверояком корне достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии / Отв. ред. Б.В. Мееровский, И.С. Нарский. М.: Наука, 1993. — *Шопенгауэр*. О четверояком корне...

PETROFF V.

REALITY AS LIVED-THOUGHT EXPERIENCE IN PHILOSOPHICAL WRITINGS OF SIGIZMUND KRZHIZHANOVSKY

The article analyzes the characteristics of the representation of reality in Krzhizhanovsky. It is shown that in many cases it is a reality, modified by means the subjective perception: physical and mental spheres of existence interpenetrate, mirrored in each other (and reflection means inversion). It is not extra-mental being, this is the space of deformed consciousness, getting drowsy and irrational. As the author's sources A. Schopenhauer and A. Bely are indicated. The relation between consciousness and unconsciousness, as also the "cerebral game" are discussed.

Key words: reality, cerebral game, Krzhizhanovsky, Schopenhauer, Andrei Bely, existence.